

МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Авария на Чернобыльской атомной электростанции представляет собой достаточно сложное событие с точки зрения социокультурного влияния. Человечество столкнулось с серьезным вызовом. Помимо сложностей, связанных с ликвидацией крупной ядерной катастрофы, социально-психологическими последствиями для пострадавших и ликвидаторов, общество столкнулось с проблемами в восприятии катастрофы и увековечивании ее памяти. Оценки аварии противоречивы как в научных исследованиях, так и в искусстве. Преимущественно господствуют два направления: воспевание героизма и фокусировка на наиболее драматичных и трагичных аспектах катастрофы.

В литературных произведениях, посвященных чернобыльским событиям нарративы синтезируются в коллективный образ. В годы «перестройки» в связи с табуированностью темы литературных произведений об аварии на Чернобыльской АЭС было мало. В 1989 г. вышел в свет сборник «Фантом», в состав которого вошли произведения В. Легасова, В. Губарева, Ю. Щербака, И. Пташникова и И. Драча [8]. Сборник подвергся цензуре, о чем свидетельствуют мемуары академика В. Легасова [5, с.35]. В издании 1989 года по сравнению с современным, отсутствуют некоторые абзацы, уточняющие детали, а также местами в тексте пропущены персоналии. В центре сюжета повести В.С. Губарева «Фантом» Эрик Николаевич Кардашов, директор АЭС, располагающейся на севере от ЧАЭС, который узнав о заражении южных территорий сразу начал действовать: организовывать дозиметрическую разведку, выстраивать контрольно-пропускные пункты. Директор показан как идейный боец, который превозмогая все невзгоды, несмотря на непонимание и препятствия чиновников, идет к цели. Хотя авария на АЭС и представлена как страшная трагедия, но она понятна главному герою и его соратникам, которые успешно справляются с препятствиями [3]. Повесть является классическим примером социалистического реализма, хотя она и позиционируется как документальная, но автор упоминает, что в произведении имеются литературные допущения.

Одним из самых популярных литературных произведений является «Чернобыльская молитва» С.А. Алексиевич [1]. Автора неоднократно упрекали за документальный метод, называя ее произведения журналистскими и лишенными «литературности» [7]. В романе Ю. Вознесенской «Звезда Чернобыль» основой композиции выступают сказочный нарратив и православ-

ная религиозная символика [2]. Главные герои предстают как архетипы христианских праведников, в романе присутствуют мотивы соборности, жертвенной любви и всепрощения. В контексте религиозного наполнения романа отдельно можно отметить эпиграф: «Имя сей звезде — полынь... и третья часть вод сделалась полынью», который трактуется как библейское предзнаменование Апокалипсиса. Образ Чернобыльской катастрофы многоуровневый, насыщенный символизмом, выходящий за рамки техногенной катастрофы. Центральным элементом образа выступает ранее упомянутый эпиграф, который сравнивает аварию со всемирной катастрофой, предначертанной библейским пророчеством [6]. Алексеевич и Вознесенская передавали страх неизвестности, в их произведениях главные герои сталкивались с непониманием происходящего, что приводило к кризису и переоценке, в то время как в «Фантоме» герои не находятся в состоянии экзистенции, они знают что делать и как ко всему относиться. Чернобыль выступает как место крушения идеалов и встречи с реальностью. Герои большинства произведений осознают масштабы аварии и ее последствия. В этом заключаются общие черты большинства произведений, посвященных Чернобыльской катастрофе. Отметим, что в мемуарах участников событий также ставится вопрос о необходимости признания многочисленных ошибок, приведших к аварии на АЭС, и просчетов, допущенных при ее ликвидации [4,5].

Существуют произведения, в которых герой не имеет четкой позиции. Например, в повести В.Я. Степанова «В Июле восемьдесят шестого» у главного героя Новосельцева нет четкой цели, он размышляет о причинах трагедии, пытается интерпретировать события с исторических и религиозных точек зрения, но так и не находит ответа. Это произведение является примером синтеза двух выше обозначенных примеров мемориализации, в нем герой знает свой алгоритм действий, но ему непонятно свое отношение к этому.

Распространение компьютерной трилогии STALKER привело к формированию поджанра российской фантастики, в котором представлено мифологизированная мемориализация Чернобыля. Сюжет произведений представлен фантастическим миром Чернобыльской зоны отчуждения, в котором присутствуют мутанты и аномалии и разворачиваются всевозможные события.

Таким образом, в художественных произведениях присутствуют четыре примера мемориализации Чернобыльских событий. Первый образ имеет резко негативные коннотации: потеря себя и своего дома, вред жизни и здоровью, непонимание со стороны общества и государства. Для осмысления события требуется превозмочь себя, найти свою точку зрения на событие, чтобы выжить. Во втором примере — Чернобыльская катастрофа это не только трагедия, но и проверка на прочность советского человека, ис-

пытание героев. В этом случае, Чернобыль часто сравнивается с другими трагическими событиями истории. Третий пример мемориализации – Чернобыль как место поиска смысла жизни. В фантастической литературе Чернобыльская трагедия крайне мифологизирована. В последнее время прослеживается тенденция глобализации чернобыльской аварии: катастрофа становится частью общего дискурса о рисках технологического прогресса.

Библиографический список

1. Алексеевич С.А. Чернобыльская молитва. М.: Остожье, 1997.
2. Вознесенская Ю.Н. Звезда Чернобыль. М.: Вече, 2023.
3. Губарев В.С. Фантом // Наука и жизнь. 1987. №6, 7.
4. Копчинский Г.А., Штейнберг Н.А. Чернобыль: Как это было. Предупреждение. М.: Литтерра, 2011. 240 с.
5. Легасов В.А. Мой долг рассказать об этом// Проблемы анализа риска. 2006. Т.3. №1. С.33- 55.
6. Осьмухина О.Ю., Белоглазова Е.А. Специфика синтеза фольклорного и православного кода в романе Ю. Вознесенской «Звезда Чернобыль» // Нефилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 772-785.
7. Румянцева Н. Татьяна Толстая в «Буквоеде». 09.10.15 [Видеозапись] URL: <https://youtu.be/TQ5vL4MA09c?t=3127> (дата обращения 7 мая 2023).
8. Фантом : Сб. докум. и худож. произведений о трагич. событиях на Чернобыл. АЭС в апр. 1986 г. М.: Молодая гвардия, 1989. 238 с.

М.Д. Романенко

Самарский национальный исследовательский университет

УСТНЫЕ ИНТЕРВЬЮ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА МАТЕРИАЛАХ БИОГРАФИИ РЕКТОРА КУАИ (1956-1988 ГГ.) – В.П. ЛУКАЧЕВА)

Устная история как самостоятельное направление исследований зародилась в середине XX века. Тогда центром применения этого подхода стал Колумбийский университет [3, с. 71-72]. Другим центром устной истории стала Западная Европа, где с середины 1970-х гг. проводились международные конференции по устной истории [3, с. 73]. В Россию этот подход пришел относительно недавно, в 1990-х гг. [2, с. 94].

Однако более чем за три десятилетия устная история не смогла занять себе прочные позиции в российской исторической науке: по-прежнему разворачиваются дискуссии вокруг ее предмета, источников, методов. По мнению специалиста в области устной истории Т.К. Щегловой, существует несколько факторов, препятствующих признанию материалов устной истории как полноценных и самостоятельных исторических источников в российской исторической практике. К ним относятся стойкие традиции позитивизма, инерционность мышления; ограниченность круга российских историков, специализирующихся по устной истории, а также отсут-